

Виталий Амурский

«Один друг сравнил меня с сиреной...»

О Кате Грановой

Катя Гранофф, если использовать французскую форму устаревшего ныне написания ее русской фамилии – Гранова... Для меня, человека из СССР, родившегося на несколько десятилетий позднее, оказавшегося во Франции, в Париже, в начале семидесятых годов минувшего века, она, конечно же, являлась одной из легендарных фигур нашей старой эмиграции, можно сказать, живым памятником прошлого и прошлому. Так что, даже называя эту женщину Катя Гранова, я все же не в состоянии перейти некий внутренний барьер, для меня она осталась только как Екатерина Федоровна Гранова. Впрочем, правильно ли так? Правильно ли называть ее по имени-отчеству, ведь Гранофф, простите – Гранова, к тому времени, когда я ее увидел, была известная – не русская, а французская владелица четырех художественных галерей, поэт... Впрочем, если о «правильности», то не уверен, что заносить ее в анналы эмиграции нужно, ибо эмиграция – имея в виду, во всяком случае, «первую», то есть состоящую в значительной степени из ее ровесников, покинувших родину в тяжелые годы революции и гражданской войны, – по сути своей, представляла людей, которых с сумасшедшего корабля российской истории раскидало где попало. Это уже позднее, приходя в себя, они начинали налаживать жизнь в новых условиях, исходя из реальностей и многочисленных не от них зависящих обстоятельств. Путь во Францию Грановой был не самым простым, но все же не столь трагичным, иным. Объяснение тому, прежде всего, во времени – Российскую империю она покинула до 1917-го года, до всеобщей паники, атмосферы великой национальной беды. Видеть родную Одессу, Юг России такими, как видела их, допустим, Тэффи (я имею в виду

страницы воспоминаний писательницы, выпущенные в Париже в 1932 году издательством «Возрождение»), Гранова не могла. В двадцатые годы, то есть к тому времени, когда Париж стал постепенно становиться одним из центров русского рассеяния, она уже чувствовала себя в этом городе вполне устойчиво. Несравненно более устойчиво, чем многие ее несчастные соотечественники и земляки. Она знала прекрасно язык, имела дружеские связи в разных французских кругах, могла зарабатывать на жизнь работой, которая ей нравилась. И хотя все то, что произошло у нее на родине, не могло оставлять ее равнодушной, от каких-либо групп и организаций русской эмиграции держалась в стороне.

Чтобы понять, как жила, росла, училась, какие проблемы вставали на ее жизненном пути и как она их преодолевала, лучший источник – ее мемуары: «Моя жизнь и мои встречи»¹.

Родилась Екатерина Федоровна 16 июля 1895 года в городе Николаеве Херсонской области, однако не Николаев, а Одессу навсегда запомнила она как место, с которым неразрывно связались ее юные годы, самое дорогое...

Одесса конца девятнадцатого – начала прошлого века, которую она восторженно, с пафосом, описывает, – прежде всего, город, основанный на месте, где всё рядом, все связано и смешано: античные мифы и Пушкин, море и акации; Одесса – шумный международный перекресток, на котором встречаются разные культуры и решаются – прежде всего, благодаря порту – взаимовыгодные торговые дела.

«Во времена моего детства, – пишет она, – исключительно интенсивное сообщение было с Неаполем и Марселем. Неаполь давал вулканическую лаву, которой покрывали одесские тротуары. Марсель в обмен на российскую пшеницу – черепицу. Чернозем Юга мог тогда кормить не только всю Россию, но и Западную Европу. Зерно золотой рекой текло в европейские порты.

Вот почему господин Дрейфюс из Парижа, не имеющий равных себе в мире продавцов зерна, приходил в наш дом, чтобы договориваться с папой, который был экспортером. Несмотря на то, что мне было всего четыре года, я помню, какое важное значение придавали этим визитам, и по таким случаям наряжали меня в красивые платья...»².

Понятное дело, в таком доме, при таком отце маленькая Катя не могла знать о том, как жила, допустим, какая-нибудь Мотя Черноиваненко, выведенная Валентином Катаевым в повести «Белеет парус одинокий», – это, замечу, та же самая эпоха; однако, как известно, дети своих родителей не выбирают...

Деталей своей жизни в Одессе в детские годы Екатерина Федоровна в мемуарах особо не касается, однако из них мы знаем, что ей и ее сестре мать давала уроки игры на пианино, но, увы, хорошим музыкальным слухом они не обладали; знаем, что иногда днем девочек водили в городскую оперу, где они сидели в ложе дедушки; знаем, что однажды после «Травиаты» Катя пыталась воспроизвести в мимике и голосом услышанное, но единственным ее слушателем и зрителем была сестра.

Когда дети получили право находиться за общим столом со взрослыми, они должны были соблюдать принятые ограничения – в разговоре нельзя было касаться темы денег...

Вспоминая об учебе, Екатерина Федоровна не указывает, где именно училась, ясно лишь – не в частной школе, что было бы неудивительно:

«Школьницей я носила форму, обязательную для государственных гимназий. Моя была из шерстяной ткани зеленого цвета, с черным фартуком с пластроном. Летом рукава расшивались – их заменяли на белые, из батиста, так же было и с фартуком. Что оставалось, однако, без перемен во все времена года – две моих светло-пепельного цвета косы, которые друзья с удовольствием дергали.

Лицеисты и студенты носили костюмы и фуражки полувоенного типа. Несмотря на то, что в таком регламенте было клеймо царизма, я относилась к этому положительно, так как подобная одежда убирала признаки внешнего неравенства».³

Детали интересные, из которых можно сделать вывод, насколько в семье Грановых уважались принятые тогда в обществе нормы приличия, насколько глубоко этикет поведения внедрялся в сознание детей.

«История моей семьи тесно связана с судьбой города, – повествует о своей родословной мемуаристка. – Мой прадед по материнской линии, ремесленник, получил один из участков

земли, которые тогда раздавали с целью привлечения населения в зарождающемся городе. На этом месте он построил дом и устроил семью.

Его сын, мой дед, занимался продажей сукна. Он был настолько красив, что моя будущая бабушка, причесывавшая свои длинные каштановые волосы около освещенного солнцем окна, при появлении его во дворе уронила гребенку. Он поднял ее и увидел молодую красавицу, которая потом стала его женой, тогда как обычай не позволял будущим супругам видеть друг друга до дня свадьбы.

Они имели двенадцать детей, мальчиков и девочек, и мой дед со временем стал одним из крупнейших торговцев сукна Юга России, через Польшу, Германию и Францию налаживая торговый путь с Англией. По гражданской линии он был отмечен высокой наградой...».⁴

Бабушка, по словам Грановой, с большой любовью и вниманием занималась внуками и внучками, а также славилась своей добродетелью для бедных. Продолжая описание своего рода с этой стороны, она подчеркивает: «Все мои дяди и тети получили европейское образование. Мальчики, как только оканчивали школу, учились в университетах. Среди первых русских женщин старшая из дочерей получила в Швейцарии диплом доктора медицины, но там же внезапно скончалась. После этого другие дочери ограничивались школьной учебой, языками и иностранными литературами. Так и было с моей матерью, которая, к тому же, стала замечательной пианисткой».⁵

Ну а по линии отца?

«Семья моего отца, Федора, сына Константина, была привержена науке и свободным профессиям. Дедушка Гранов был эрудит-лингвист, однако, поскольку о нем в семье никогда не говорили (бабушка развелась и женилась заново), я узнала о его достоинствах только в университетах Лозанны и Женевы, благодаря тем профессорам, которые его прежде знали. Для того чтобы развлечься во время беременности, эта бабушка читала «Критику чистого разума» Канта.

У отца были два брата и сестра. Старший – адвокат, младший – врач, но сам папа вынужден был прервать свою учебу по ком-

мерческой линии не только для прохождения службы в армии за себя, а также за своих братьев, чтобы они могли получить дипломы. Такая практика случалась в России.

Тем не менее, из всех троих он был самый большой эрудит, многим интересовавшийся, но особенная страсть у него была к математике. Он был блестящий собеседник, юмор его был неотразимый...».⁶

Воспоминания о детстве блещут на страницах книги «Моя жизнь и мои встречи», подобно лучам солнца в воде:

«Мы жили в одном из домов, принадлежащих дедушке по материнской линии, а в Одессе он имел их несколько. Летом устраивались на дачах у берега моря, и я с сестрой в сопровождении взрослых по узким ступенькам, вырезанным из вулканического туфа, спускались купаться. Надо сказать, что плавать мы научились с трехлетнего возраста, каждая, держась за мамину ногу – мама была отличная пловчиха, и отец в юные годы был пловец легендарный. С тех пор непреодолимая страсть притягивает меня к морю, и мой любимый вид спорта, которым я до сих пор занимаюсь, остается плавание. Я даже называю свою галерею в Каннах «пляжной кабинкой». В самом деле, стоит мне пересечь бульвар де ля Круазетт, чтобы сразу оказаться в Средиземном море.

Где бы я ни была, в Париже, в Онфлере, в Каннах или в Сореле⁷, вода всегда присутствует поблизости от меня. Деревня меня быстро утомляла бы, если бы там не было рядом реки или хотя бы водоема с лилиями.

Один друг сравнил меня с сиреной, чудовищем грациозным, которое, как известно, не всегда безобидное.

Девочкой я была как настоящий мальчишка, иногда забираясь на деревья так высоко, что не знала, как спуститься. К счастью, имелся добрый слуга, старый дракон, который своими протянутыми руками спасал меня от вероятного падения.

Я росла среди искусств: живописи – хорошей или плохой, прекрасной музыки, великолепных песенных исполнений, и особенно – особенно – поэзии. Дети заучивали большие стихи наизусть. Однако до того как подняться на этот культурный уровень, для нас большим наказанием было слушать, как папа звучным голосом цитировал тирады из Шекспира, Расина или Шиллера.

Случалось, он обращался к нам с импровизированными мадригалами. Русские, особенно крестьяне, обладают врожденным талантом стихосложения. Они рифмуют, поют и танцуют все естественно.

Что до меня, то небольшие, вполне детские стихотворения я начала писать с пяти лет...»⁸

Счастливые детство и отрочество оборвались со смертью матери, которой был всего 41 год. Отец пережил ее ненадолго. Вместе с младшей сестрой Катя переезжает к дедушке с бабушкой, живя у них, завершает среднее образование. И поскольку в семье хотели дать девушкам достойное образование, отправляют их в Швейцарию. Поселяются сестры в женском пансионате городка Пюли, недалеко от Лозанны. Помимо занятий, направленных на повышение общего культурного уровня (хотя, по мнению Грановой, те знания, которые она получила в Одессе, давали ей право знать больше многих других девочек), в Пюли, утопающем в розах и виноградниках, можно было прекрасно проводить время – летом играть в теннис, купаться в расположенном поблизости озере Леман, которое, опять-таки по воспоминаниям Екатерины Федоровны, все же было далеко не такое замечательное, как Черное море; зимой – совершать лыжные прогулки или кататься на коньках в близлежащем городке Гстаад...

Преподавательница танцев считала, что Катя могла бы стать балериной, однако танцам она предпочитала философию.

Конечно, по таким деталям можно представить, что учебный женский пансионат в Пюли был местом для отдыха. Нет, в действительности все воспитанницы находились под строгим контролем, даже читать там можно было не все. Имевшуюся у Грановой-старшей книгу Гюго «Собор Парижской Богоматери» конфисковали...

Так или иначе, в возрасте восемнадцати с половиной лет она не только успешно сдала все экзамены, но и получила похвалу жюри, стала дипломированным специалистом по языкам и философии, в частности, по Платону. Завершила свою учебу и ее сестра, после чего обе перебрались в Женеву, где Катя стала студенткой на только что созданном тогда в университете факультете социальных и экономических наук.

Жизнь в Женеве Грановых значительно отличалась от той, что они вели в Пюли. Над ними, повзрослевшими, уже не было такого надзора, как прежде; среди их знакомых и друзей оказалось немало русских эмигрантов-революционеров. В их числе – Ленин, его приближенные, будущие советские министры, хотя в то время никто, конечно, не знал о своем будущем...

«Наша девическая квартира стала очагом революционным, где мы собирали посылки для русских солдат, находящихся в плену в Германии, – вспоминала об этом периоде Гранова. – Mademoiselle⁹ полагала, что дело касалось благотворительности. В посылках же вместе с консервами и теплой одеждой находилась пропагандная революционная литература. Немцы относились к таким отправлениям положительно, так как они наносили урон авторитету российской власти и понижали военную силу России. Позднее они дошли до того, что организовали знаменитый запломбированный поезд, который пересек всю Германию, чтобы доставить революцию в Петроград. В этом самом поезде с Лениным во главе находились наши женеvские друзья. В то время моя легкомысленность дошла до того, что я отправила сестре, которая вернулась в Россию после моего брака, великолепное бальное платье с розами-помпонами – доверила отправку с Лениным и его друзьями. Платье прибыло, что поразило семью.

Из этого видно, насколько я не понимала, до каких крайностей дойдет эта революция, мирная в самом начале, при которой, как представлялось, в России установятся республиканский строй и демократия, которых я так желала всем сердцем. То, что последовало, – не предусматривалось...»¹⁰

Семейная жизнь (она вышла замуж за молодого человека, который позднее стал известным врачом), о которой упоминает в этом отрывке Гранова, не сложилась. По ее собственному решению. Познакомившись с эмигрантом из большевистской России, музыковедом – в мемуарах она не называет его фамилию, только имя – Яша, – который был старше ее на двенадцать лет, она оставляет мужа, перебирается к возлюбленному в Берлин. Туда же с волной российских беженцев, бегущих из Петрограда через Скандинавию, спасаясь от преследований режима, приезжает ее сестра – на сей раз не одна, а с дядей, тетей, двоюродными братьями.

Итак, новый виток жизни? Да, однако недолгий. Смерть страдавшего болезнью легких Яши, трудности материальные – денег на жизнь уже не поступало, нужно было работать... Берлин не притянул к себе Гранову. Она направляется в Париж, город, с которым свяжет свою дальнейшую судьбу.

«Париж, гавань в конце бродяжничества... – пишет она, обращаясь к Парижу, как к существу живому. – Я свободно выбрала тебя среди всех городов мира. Спасибо за то, что полюбил меня, как любила тебя я, и за внимание, с которым услышал ты мои напевы».¹¹ Восхищение это пронизывает первые же ее стихи, написанные здесь:

Наклоняясь с перил
Балкона, вижу тебя, Париж,
Твои дворцы с благородными фасадами,
Окруженные садами с цветами;
Вижу длинные перспективы
Мостов, переброшенных с берега на берег,
Вижу мимолетную красоту
Твоих закатов и восходов,
Ночи твои в цветных огнях
Звезд и электричества,
А также в следах света
Баржи на реке.
Париж, ты опьянил мое сердце,
Осчастливив без счастья...¹²

В столице Франции Гранова находит место секретарши в Салоне живописи, который тогда располагался вблизи Лувра, в Тюильри, где получает навыки работы с клиентами и знакомится с разными художниками. Время это было особое. «Париж стал очагом мировой живописи, – вспоминает она. – Со всех концов земли сюда съезжались молодые художники, в основном бедные и одинокие, которые нередко навсегда закрепляли свои мольберты в избранной стране, становились причастными к «парижской школе». Такими были – Пикассо, Модильяни, Шагал, Хуан Грис, Сутин, Фужита, Карс, Ван Донген, Паскин и сколько еще...»¹³

Именно тогда-то и определилось ее призвание – галерейщицы. После того как Салон в Тюильри закрылся, Гранова, подбадриваемая художниками, которые хотели, чтобы она продолжала заниматься их работами, сняла помещение на бульваре Перейр, где организовала собственную продажу картин. Место оказалось не очень удачное для такого рода деятельности, и его пришлось сменить... Адресом первой своей, так сказать, по-настоящему важной галереи она считала дом № 166 на бульваре Османа.¹⁴ Переездов затем было еще несколько, хлопот хватало, но постепенно дело развивалось, однако все нарушила война, германское вторжение во Францию, оккупация... Понимая, что Париж нужно покинуть, тем более еврейке, она думала лишь о том, куда уехать. Близкий друг, художник Жорж Буш (George Bouche), подсказал мысль об одном уголке – Вульт-сюр-Рон (Voulte-sur-Rhône). По рассказам Буша, когда ему было лет шестнадцать, он видел там замечательный старинный замок и часто думал о нем. И вот Гранова отправляется в Вульт-сюр-Рон, где находит старинную постройку, а также узнает, что замок продается. Хозяин, получивший его по наследству, в письме на запрос об условиях сделки признался, что никогда сам там не был, и выразил готовность уступить замок за цену, которую покупательница сочтет приемлемой.

Так Гранова стала владелицей старинной постройки, где решила разместить имеющиеся у нее картины и организовать мастерские для художников. Мечты эти, увы, вскоре рухнули. Начатые строительные работы пришлось остановить. Вместо художников помещения через несколько месяцев оказались заняты беженцами из Бельгии... Хотя Вульт-сюр-Рон находился в 800 километрах южнее Парижа, эхо войны, а позднее и сама война докатились и туда...

Вместе с Грановой в замке поселился Жорж Буш. Казалось, несмотря на различные трудности, они нашли счастье. Об этой главе своей биографии, о таланте Буша – художника, человека высоких моральных качеств, скончавшегося весной 1941 года, довольно подробно рассказывается в ее мемуарах. Главное же, кажется, выражено в стихотворении, посвященном его памяти, где есть такие строки:

В осеннем лесу, в его монотонности,
Опавшие листья делают тропки едва различимыми;
Как дрожащие отражения, наши связанные тени
Утонули в этом озере – глубоком зеркале без амальгамы...¹⁵

Война, оккупация Франции вкупе с личными переживаниями тяжело отразились на Грановой. Отдаленная от друзей, находясь в своеобразном монашестве, она, по собственным признаниям, утратила тогда веру в жизнь и людей. Однако жизнь не стояла на месте, вместе с освобождением страны молодая женщина обрела новые силы и, как только стало возможно, вернулась в Париж, где – к великому удивлению – нашла свою оставленную галерею в одном из старых зданий на левом берегу Сены почти в отличном виде, если, конечно, не считать того, что в течение нескольких лет оккупации помещение было пусто, не убиралось, требовало ремонта, а также если не считать того, что все картины, которые она не успела оттуда вывезти, были похищены...

Начав приводить в порядок галерею, Гранова получила известие о том, что, отступая, немцы подожгли ее замок – горевший в течение восьми дней, он оказался почти полностью разрушен. Все находившиеся там картины погибли. Сохранились, впрочем, те, что она оставила у знакомой – вдовы министра, который был родом из Вульт-сюр-Рон, и те, что хранили у себя друзья в Лионе, среди которых был известный поэт Анри Мишо (Henri Michaux)...

Хотя парижане жили более чем скромно и трудно, мало кто думал о приобретении картин, с возобновлением работы галереи возобновились надежды на будущее. Свет в ней (так было и у других) зажигался, в основном, только когда появлялись посетители. Свет был слабый – использовались ацетиленовые лампы, но на фоне пережитой оккупации все это не казалось очень тяжелым. Знаменательно, что один из первых художников, чьи работы выставила тогда Гранова, был Рене Демерис (René Demeurisse). Во время войны он, как и его отец, находился в рядах Сопротивления; задержанный в лесу в тот момент, когда вез оружие партизанам, он был тут же расстрелян немцами. Обеспокоенные тем, что сына нет слишком долго, родители вдруг увидели старушку,

которая вышла из леса с вязанкой поленьев. Подойдя, она молча протянула окровавленные очки их сына. Найдя среди деревьев тело, отец перенес его оттуда на своих плечах...

Война закончилась, но тяжелое дыхание ее еще было рядом.

Впереди Гранову ждал успех на выбранном поприще, приобретение помещений для галерей в нормандском Онфлере (там она приобрела помещение бывшей мастерской по ремонту парусов) и на Лазурном Берегу, в Каннах, наряду с галереей на левом берегу Сены, на набережной Конти, устройство в освободившемся помещении престижного в прошлом ресторана «Ля Кремайер», поблизости от Елисейского дворца...

* * *

Именно там увидел я ее впервые, предварительно договорившись о том, что Екатерина Федоровна ответит на вопросы для одной из моих передач на Международном французском радио. Это было летом 1986 года.

Поехали мы к Грановой вместе с женой, которая по этому случаю взяла с собой одну из своих французских книг – «Антологию русской поэзии с XVIII века по наши дни», первое издание «Галлимара» 1961 года.¹⁶ Жене было интересно встретиться с автором, послушать ее, а также попросить автограф...

Как сейчас помню большое залитое светом помещение, несколько служащих, встретивших нас у входа, в сопровождении которых мы прошли в один из залов, где в резном, очевидно, старой работы, кресле была хозяйка. Несмотря на то, что была она уже в том возрасте, когда двигаться трудно, Екатерина Федоровна привстала, любезно пожала нам руки, предложила сесть рядом, а вскоре нам тут же были предложены кофе, сок, печенье, какие-то сладости...

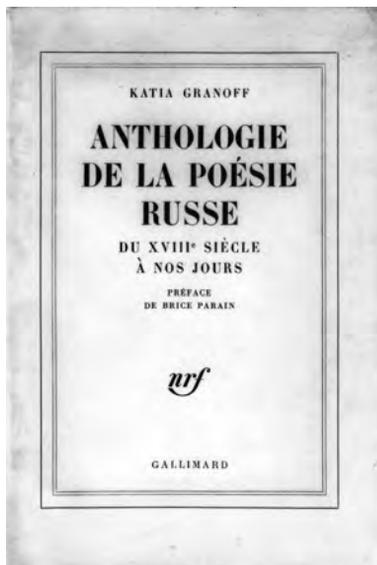
На вопросы мои по-русски она отвечала также по-русски, иногда подыскивая нужные слова, не находя их, переходила на французский, однако в целом речь ее была прекрасная – речь человека высокой культуры, речь, которой я никогда не слышал в Советском Союзе ни в молодые, ни в зрелые годы, – так говорили именно старые эмигранты.

Увы, магнитофонной кассеты с записью той беседы у меня не сохранилось или она где-то затерялась и, может быть, еще выплывет при случае, так или иначе, я не мог бы сейчас добавить ничего принципиально нового к тому, о чем я уже поведал выше, опираясь на книгу «Моя жизнь и мои встречи». Что, впрочем, не могло сохраниться ни в какой записи – это общая атмосфера встречи, дух ее, живой голос Грановой, в котором как бы вибрировало живое время, выплывали разные известные имена. Например, Шагал... О нем она говорила так, как можно говорить просто о хорошем друге, с улыбкой. Без всякого желания подчеркнуть

близость со всемирно известным мастером. Это понятно, ведь они были знакомы еще в те времена, когда витебский гений не был классиком, более того – отнюдь не всегда его картины принимались для показа. Так, когда он принес два своих холста в Салон Тюильри, где, как я уже рассказал выше, Гранова была служащей, несколько членов жюри, занимавшихся отбором, выставлять их отказались, и лишь благодаря настойчивости Кати все же приняли их.

Улыбаясь, Екатерина Федоровна, помнится, рассказала и о таком эпизоде. Когда однажды, уже будучи известным мастером, Шагал узнал, что она решила выставить его холсты рядом с холстами Мане-Каца, также еврея, уехавшего из России и умершего в Тель-Авиве в 1962 году (там позднее был открыт его музей), то стал требовать:

– Выбирай: или мои работы, или его!

Обложка книги «Антология русской поэзии с XVIII века по наши дни», изданной «Галлимаром» в 1961 году

Принять за очевидное, что она любит их обоих, он был не в силах.

А как она рассказывала своих поездках по странам Средиземноморья! С каким удовольствием вспоминала о впечатлениях от встреч с местами, каждое из которых имело отпечаток истории древних цивилизаций, – о местах, которые вдохновляли ее душевно и как поэта.

Тут следует уточнить – мое желание встретиться с Екатериной Федоровной, в первую очередь, было именно как с поэтом, с переводчиком, хотя, по большому счету, да и сама она это неоднократно отмечала, подчеркивала, – тяга к искусству и литературный труд для нее взаимосвязаны, разделять их не следует. В тех же ее мемуарах можно было прочитать:

«Колыбель детства, свежий букет отрочества, подруга наших радостей и болей, поэзия подчас – лавровый венок, подчас венок с шипами... Источник искусств, она вдохновляет их все, а также делает возвышенной повседневную жизнь, ибо без нее труды и дни не имели бы очарования, никакой перспективы...

Итак, я стала продавцом картин – поэтом; многие, между тем, находят это парадоксальным, тем не менее, искусство и поэзия тесно связаны, так как произведение искусства, чтобы быть значимым, понятным, оцененным, вдохновленным, находит драгоценные дополнения в глаголе. Чтобы понимать, любить искусства и вызывать к ним любовь, словесное вдохновение – важное средство для посредника; во-первых, оно углубляет его страсть, к тому же, оно стимулирует художников и, наконец, оно увлекает публику по своим световым стопам. Разве не такую роль играл Аполлинер для своих друзей художников!

Именно так Греция показывает нам иногда лишь бесформенные камни на бесплодной земле, которые благодаря воскресительной магии поэзии вырастают в наших восторженных глазах в своем античном великолепии».¹⁷

Перечитав теперь, годы спустя, эти строки, я невольно улыбнулся торжественности стиля, но именно такой он был и в неторопливой речи Грановой. И это ничуть не мешало, было совершенно естественно, гармонировало с ее красивой прической, платьем, мебелью и картинами...

Итак, мы беседовали о ее поэзии. «Корни эти в моем российском происхождении, – говорила Екатерина Федровна, – однако я поэт французский». Быть поэтом, который пишет на двух языках, она считала невозможным. Во всяком случае, для себя. Своим мэтром, – подчеркивая, что не в овладении поэзией, а в овладении поэтическим мастерством, – она называла Филиппа Шабане (Philippe Chabaneix).

Что значила для нее работа над антологией русской поэзии? Точного устного ответа я не помню, но он по смыслу был таким, как в «Моя жизнь и мои встречи»: «Став французенкой как приемная дочь, я полагала, что завершила все счета с Россией, как вдруг русская поэзия постучала в мою дверь. Она не была закрыта... и вот я задаюсь вопросом: не явилась ли основная цель моего перемещения с берегов Черного моря к берегам Сены в том, чтобы принести французской литературе весть от русской поэзии...».¹⁸

Русская поэзия, которую представила Гранова в своей посвященной родителям антологии, начиналась с Ломоносова и завершилась молодым еще к началу шестидесятых годов Евтушенко. Помимо стихов Гранова представляла каждого автора небольшой заметкой, предисловие же к книге написал Брис Парэн (Brice Parain) – известный ученый, занимавшийся проблемами языка, человек, прекрасно знавший русскую литературу, принявший непосредственное участие в публикации во Франции романа Пастернака «Доктор Живаго», когда тот еще был запрещен и предан гонениям на родине...

Отклики во французской прессе на галлимаровскую публикацию «Антологии русской поэзии с XVIII века по наши дни» были восторженные. «Поздравляю Вас за эту вершину труда, любви и верности», – писал Екатерине Федоровне член Французской академии Анри Труайя (Henri Troyat, урожденный русский – Лев Тарасов, – он-то прекрасно понимал значение этой книги), Андре Мальро (André Malraux), со своей стороны, благодарил Гранову за то, что благодаря ее антологии «нашел массу новых друзей», имея в виду поэтов России...

Время, когда вышла книга, было особое – во Франции, как и в других странах Запада, благодаря «хрущевской оттепели» воз-

рос интерес к СССР, к русской литературе. Вышедшая через четыре года в парижском издательстве «Сегерс» (Seghers) другая антология русской поэзии – двуязычное издание, подготовленное Эльзой Триоле (Elsa Triolet)¹⁹, – как бы «продублировало» антологию Грановой, удостоившуюся премии Французской академии, по своему общему объему и по основным именам, в какой-то мере, может быть, даже «украло» у галлимаровского издания некое первенство, но все же обе эти книги, скорее, дополнили друг друга, и считать их конкурентами было бы неверно, тем более что Гранова сделала все сама, в одиночку, а Триоле собрала тексты разных французских переводчиков, значительно шире представив поэтов молодых... Так что переиздание антологии Грановой 1961 года Кристианом Бургуа (Christian Bourgois) в 1987 году, по существу, подтвердило важность ее труда...

«Секрет» успеха переводчика она объясняла необходимостью наличия таких данных: во-первых, чтобы переводить поэзию, нужно самому быть поэтом; во-вторых, знать оба языка (тот, с которого делается перевод, и тот, на который он делается) не как выученные, а как те, которые освоены жизненным опытом; в-третьих, необходимо обладать талантом медиума.

Но... соединение всех этих качеств пугало ее. Пугало тем, что занимаясь, по ее выражению, «словесной акробатикой» с чужими текстами, она может потерять собственную поэзию, и решила... больше никогда переводов не делать.

Как поэт Гранова опубликовала сборники: «Онфлер» (Honfleur), «Лапрад» (Laprade), «Клод Моне» (Claude Monet), «Живопись» (Peintures), «Пепел и отражения» (Cendres et Reflets), «Колонна и роза» (La Colonne et la Rose, приз Французской академии), «Египет, окаменевшие времена» (L'Égypte, les Temps pétrifiés), «Отражения Израиля» (Reflets d'Israël), «Об Испании» (De l'Espagne), «Средиземное море: берега богов» (Méditerranée: Rivages des dieux), «Проклятые поэты и художники» (Poètes et Peintres maudits), «В недавнем прошлом» (Naguère) (премия Эредиа Французской академии), «Голос, взгляд...» (Une voix, un regard...), «Проклятые любовники» (Les Amants maudits), в прозе – воспоминания «История одной галереи» (Histoire d'une galerie) и «Дозорный путь» (Chemin de ronde), монографию «Жорж Буш» (George Bouche)...

Беседа наша подходила к концу.

По распоряжению Екатерины Федоровны служащая принесла несколько ее книг, изданных Кристианом Бургуа, – она подарила их нам с женой, и в этот момент жена попросила подписать захваченную с собой «Антологию русской поэзии» Грановой. Взглянув, я заметил, что рядом с надписью нет даты, и было бы приятно добавить ее, на память. Взяв книгу, Екатерина Федоровна дописала: Париж, 12 июня 1886 года.

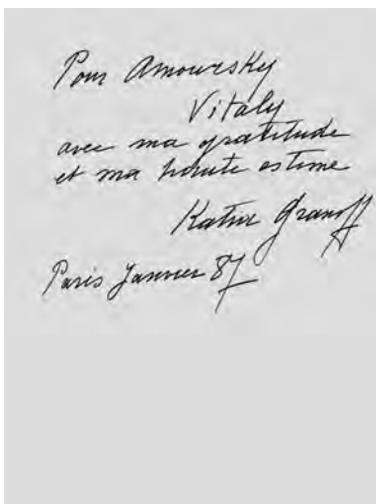
– Простите, Екатерина Федоровна, вы ошиблись с годом, – сказал я, заметив на ее лице легкое недоумение.

– Ах, да, конечно!.. – улыбнулась она, переправив первую восьмерку на девятку.

– Зачем ты сказал? – уже на улице с укором спросила меня жена. Было бы так приятно сохранить такую «ошибку». Несомненно, жена была права. Не следовало бы ничего менять. Тем более что, в самом деле, ошибка была по-своему знаменательная – она как бы показывала, что при безупречно ясном уме внутреннее времяисчисление для Грановой осталось в другом, не со-

Катя Гранова. Архив В. Амурского

Обратная сторона фотографии с дарственной надписью по-французски: «Виталию Амурскому с благодарностью и большим уважением. Катя Гранова. Париж, январь 87»

временном календаре, а там – далеко... Очень далеко. Далеко не от нее – от нас.

* * *

Возвращаясь к деятельности Грановой в области искусства после войны, следует, наверное, отметить, что помимо уже названных выше художников она организовывала выставки таких мастеров с российскими корнями, как Ханна Орлова, Хаим Сутин, Дан Соложев... В 1958 году входила в состав Комитета наследия Константина Коровина, подарила ряд холстов из своей личной коллекции различным французским музеям. Франция высоко отметила ее деятельность – она стала кавалером ордена Почетного легиона, удостоилась Ордена заслуг, а также Медали искусства, науки и литературы, получила звание почетного гражданина Онфлера... От дел, связанных с галереями, от всего того, что требовало энергии, Екатерина Федоровна отошла в 1987 году, прожив еще около двух лет и скончавшись в Париже 16 апреля 1989 года.

Увы, смерть эта в кругах русской эмиграции, которую составляла уже, в основном, «третья волна», оказалась незамеченной. Работая над историей русского рассеяния, участвуя в составлении библиографического словаря «Русское зарубежье во Франции. 1919-2000», Лев Мнухин сказал мне, что на русском языке о ней не встретил ничего, кроме одной статьи... Это была моя статья «Грани таланта Кати Грановой», опубликованная в газете «Русская мысль» 5 июня 1987 года. Воспроизведенная вместе с текстом фотография имела у меня от Екатерины Федоровны.

* * *

ЗаклЮчить этот рассказ мне хотелось бы несколькими стихотворениями Грановой²⁰, связанными именно с художниками, которых она любила, выдвигала, поддерживала, стараясь одарить такой же любовью тех, кто смотрит или будет смотреть их холсты.

Вот – Марку Шагалу:

Ангел улетает

На фоне неосязаемой голубизны
Палитра с красками...
Это – море, воздух и стол
С большим букетом цветов.

Ангел улетает с пучком,
На горизонте проходит корабль,
Кто-то обнаженный прилег на траве,
Своей формой напоминая скрипку.

Я потеряла ключевую проблему,
Прекрасное загадочное слово:
Букет, обнаженная фигура, морской пейзаж или поэма,
Убегание, очарование...

Вот – Пьеру Лапранду:

Тень прошлого

Сидя у раскрытого окна,
Седая, с бледностью на лице,
Руки неподвижные положила она
На черное платье с длинными складками.

Синий воздух летнего вечера
Меняет оттенки пруда, цветов и газона,
Одиночество и тишина
Разлились по дому.

Уединенный уголок, нежная обитель
С призраками минувшего;
Все было любовью – от нее только пепел,
Воспоминания о пропавшем мире...

Вот –

Памяти Амеде Озенфана

Розы мои умрут, кровь источая в пыль,
При дожде, при солнце...
Без конца умирает море по кромке
Алых песков.

Розы мои умрут, кровь источая в пыль,
И не вернуться больше
Те, с кем встречалась я, те, кто меня провожали,
Придерживаясь моих шагов.

В час же, когда уходит душа безутешная
В вечную глубину,
Тень моя скорбная удлиняется, плача
На последнем ее пути.

Розы мои умрут, кровь источая в пыль,
При дожде, при солнце...
Без конца умирает море по кромке
Алых песков.

Вот из цикла «Клод Моне. Нимфеи» –

«Волшебный пруд»

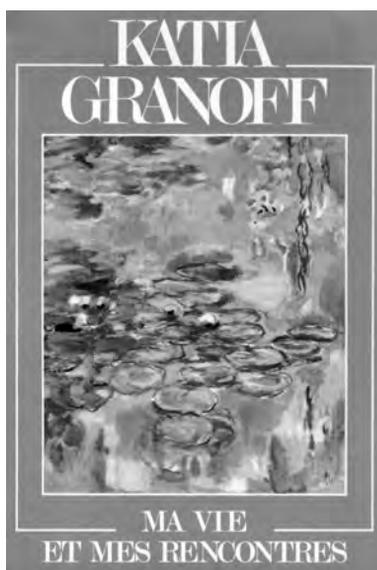
В глубоких зеркалах – цветные стихи –
Смешиваются отражения облаков, цветов
И раскинутых листьев плакучих ив,
Золотыми лентами касающихся кристальной поверхности.

Между зелеными букетами высоких диких трав
Пруд рассыпается звездными плавающими венчиками;
Раскрывшиеся словно из томительного сна лилии
Источают свет невидимых солнц.

Загадочен зов этих озерных красот,
Где мимолетное мгновение превращается в вечность;
О, волшебная красота дворцов из зелени,
Озаряющих последние лучи живописи...

Человеческое начало перейдено в этом искусстве без границ,
До конца дня растет пение света,
Великое забытое послание с огромным значением,
Открывающее путь к источнику молодости.

Все приведенные тут тексты – в подстрочном переводе, который если и не смог передать музыку французского языка, достаточно ясно раскрыл, как мне кажется, не менее важную сторону – свойственную поэзии Грановой образность. В любом случае, сохранить точность подлинника в ином словесном пространстве – была бы задача нереальная, но, наверное, и не столь необходимая в повествовании, в котором я лишь постарался дать представление о незаурядной многогранно талантливой личности, посвятившей свою жизнь служению разным музам.

Обложка книги Кати Грановой «Моя жизнь и мои встречи», вышедшая у Кристиана Бургуа в 1981 году

Примечания

¹ Katia Granoff. Ma vie et mes rencontres. Christian Bourgois éditeur, Paris 1981.

В дальнейшем: Ma vie.

² Ma vie, pp. 18, 19.

- ³ *Ma vie*, pp. 24, 25.
- ⁴ *Ma vie*, p. 19.
- ⁵ *Ma vie*, p. 20.
- ⁶ *Ma vie*, pp. 21, 22.
- ⁷ Полное название: Sorel-Moussel.
- ⁸ *Ma vie*, pp. 23, 24.
- ⁹ Тут имеется в виду своего рода надзирательница.
- ¹⁰ *Ma vie*, p. 29.
- ¹¹ *Ma vie*, p. 32.
- ¹² *Ma vie*, p. 33.
- ¹³ *Ma vie*, p. 35.
- ¹⁴ 166, boulevard Haussmann.
- ¹⁵ *Ma vie*, p. 84.
- ¹⁶ Katia Granoff, *Anthologie de la poésie russe du XVIIIe siècle à nos jours*. NRF, Gallimard, Paris 1961.
- ¹⁷ *Ma vie*, p. 61.
- ¹⁸ *Ma vie*, p. 61.
- ¹⁹ *La poésie russe*. Anthologie réunie et publiée sous la direction d'Elsa Triolet, éd. Seghers, Paris 1965.
- ²⁰ Тексты оригиналов стихов «Ангел улетает» (*L'ange s'envole*), «Тень прошлого» (*L'Ombre du passé*), «Памяти Амеде Озенфана» (*Au souvenir d'Amédée Ozenfant*), «Волшебный пруд» (*L'Etang magique*) см. в *Ma vie*: pp. 105, 123, 167, 186.

Париж

